

Бэзил Лиддел Гарт

ИСТОРИЯ

Strategy: The Indirect Approach

СТРАТЕГИЯ НЕПРЯМЫХ ДЕЙСТВИЙ

И С Т О Р И Я   В   О Д Н О М   Т О М Е

История в одном томе

Генри Лиддел Гарт

Стратегия не прямых действий

«Издательство АСТ»

1941, 1954

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)

Лиддел Гарт Г. Б.

Стратегия не прямых действий / Г. Б. Лиддел Гарт —
«Издательство АСТ», 1941, 1954 — (История в одном томе)

ISBN 978-5-17-104556-2

Книга выдающегося английского военного историка сэра Бэзила Лиддела Гарта – это последняя глава ненаписанного учебника европейской военной науки, итог четырех тысячелетий развития искусства войны. «Геометрия войны», «война глазами шахматиста», «стратегия как точная наука» – вот лишь некоторые характеристики этого неординарного исследования. Глубина анализа, энциклопедический охват, простота и доступность изложения делают «Стратегию не прямых действий» незаменимой для истинных любителей военной истории. В формате a4.pdf сохранен издательский макет.

УДК 94(100)

ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-17-104556-2

© Лиддел Гарт Г. Б., 1941, 1954
© Издательство АСТ, 1941, 1954

Содержание

Номо Strategicus, или Труды и дни капитана Лиддел Гарта	7
Предисловие автора к изданию 1954 г	10
Часть первая	14
Глава I. История как практический опыт	14
Глава II. Греческие войны – Эпаминонд, Филипп и Александр Македонский	17
Глава III. Римские войны – Ганнибал, Сципион и Юлий Цезарь	28
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Бэзил Лиддел Гарт

Стратегия непрямых действий

Война – это путь обмана. Поэтому, если ты и можешь что-нибудь, показывай противнику, будто не можешь; если ты и пользуешься чем-нибудь, показывай ему, будто ты этим не пользуешься; хотя бы ты и был близко, показывай, будто ты далеко; хотя бы ты и был далеко, показывай, будто ты близко; заманивай его выгодой; приведи его в расстройство и бери его; если у него всего полно, будь наготове; если он силен, уклоняйся от него; вызвав в нем гнев, приведи его в состояние расстройства; приняв смиренный вид, вызови в нем самомнение; если его силы свежи, утоми его, если дружны, разъедини; нападай на него, когда он не готов; выступай, когда он не ожидает.

Никогда еще не бывало, чтобы война продолжалась долго и это было бы выгодно государству... Поэтому тот, кто не понимает до конца всего вреда от войны, не может понять до конца и всю выгоду от войны.

Лучшее из лучшего – покорить нужную армию, не сражаясь... Поэтому самая лучшая война – разбить замыслы противника; на следующем месте – разбить его союзы; на следующем месте – разбить его войска. Самое худшее – осаждать крепости.

Вообще в бою схватываются с противником правильным боем, побеждают же маневром... Выступив туда, куда он непременно направится, самому направиться туда, где он не ожидает.

Когда идут вперед и противник не в силах воспрепятствовать – это значит, что ударяют в его пустоту; когда отступают и противник не в силах преследовать – это значит, что быстрота такова, что он не может настигнуть.

Все люди знают ту форму, посредством которой я победил, но не знают той формы, посредством которой я организовал победу.

Форма у войска подобна воде; форма у воды – избегать высоты и стремиться вниз; форма у войска – избегать полноты и ударять по пустоте... Вода устанавливает свое течение в зависимости от места; войско устанавливает свою победу в зависимости от противника.

Трудное в борьбе на войне – это превратить путь обходный в прямой, превратить бедствие в выгоду. Поэтому тот, кто, предпринимая движение по такому обходному пути, отвлекает противника выгодой и, выступив позже него, приходит раньше него, – тот понимает тактику обходного движения... Кто заранее знает тактику прямого и обходного пути, тот побеждает. Это и есть закон борьбы на войне.

Не идти против знамен противника, когда они в полном порядке; не нападать на стан противника, когда он неприступен, – это и есть управление изменениями.

Если окружаешь войско противника, оставь открытой одну сторону; если он находится в безвыходном положении, не нажимай на него.

В войне самое главное – быстрота: надо овладевать тем, до чего он не успел дойти; идти по тому пути, о котором он и не помышляет; нападать там, где он не остерегается.

Сунь-Цзы. Трактат о военном искусстве

Наиболее полная и удачная победа заключается в том, чтобы заставить противника отказаться от своей цели без ущерба для себя.

Велизарий

...кривым путем находим путь верный.

Шекспир. Гамлет, акт II, сцена I

...искусство войны состоит в проведении хорошо обоснованной и продуманной обороны с последующим переходом в быстрое и решительное наступление.

Наполеон

В основе военных действий лежит разум.

Клаузевиц

Умный военачальник во многих случаях сумеет занять такие оборонительные позиции, которые противник вынужден будет обязательно атаковать.

Мольтке

Отважные парни эти солдаты: всегда лезут там, где стена всего толще.

Адмирал де Робекк (Заявление при высадке десанта в Галлиполи 25 апреля 1915 г.)

B.H. Liddell Hart

STRATEGY: THE INDIRECT APPROACH

© The Executors of Lady Liddell Hart, deceased, 1941, 1954

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Номо Strategicus, или Труды и дни капитана Лиддел Гарта

*Много сказал я,
да мало ты помнишь;
друг тебе недругом стал,
вижу, друже,
лежит на земле
меч твой, и весь в крови.*

Старшая Эдда. Речи Гримнира¹

«Стратегами не рождаются, стратегами становятся...»

Письменная традиция сохранила для человечества некоторое – по определению небольшое – количество работ, позволяющих при тщательном их изучении если и не стать стратегом (для этого все-таки требуется врожденный талант), но освоить методологию и приобрести навыки стратегического мышления. Разумеется, понимать термин «стратегическое мышление» следует максимально широко, отнюдь не ограничиваясь областью военного искусства – или политики, продолжением которой, по знаменитому высказыванию К. фон Клаузевица, является война. Если принять такое «всеохватное» толкование и окинуть мысленным взором все многообразие книг, написанных за три с половиной тысячи лет бытования письменности, выяснится, что «учебников» стратегического мышления – не более десятка, причем большинство создано на Востоке (трактаты «Сунь-цзы» и «У-цзы», стратагемы, Книга перемен и др.).

Тут следует отметить, что именно восточному менталитету – в степени куда большей, нежели западному – свойственна *стратагемность* мышления, которая, согласно древнекитайскому учению, представляет собой искусство психологического противоборства. Не удивительно поэтому, что когда в Европе сделался известным классический китайский канон военно-стратегических сочинений («У-цзин»), мысли, в нем изложенные, оказались востребованными и по сей день используются как в повседневной жизни, так и в профессиональной сфере – в политике, дипломатии, бизнесе и даже в разведывательных операциях: как говорил бывший директор ЦРУ А. Даллес, авторы древнекитайских трактатов первыми составили рекомендации по организации разведывательной деятельности, включая и методы контрразведки, изложили теорию и описали практику психологических войн и умения манипулировать противником, первыми сформулировали стройную концепцию операций по введению противника в заблуждение и обеспечению собственной безопасности.

Европейская же традиция подарила миру всего два – два с половиной, если считать незаконченную книгу Клаузевица – сочинения, которые признаны классическими наставлениями в умении мыслить стратегически и действовать соответственно; первое – нестареющий «Государь» великого флорентийца Никколо Макиавелли, настольная книга политиков, дипломатов, бизнесменов и всевозможных «гуру менеджмента», а вторая – «Стратегия не прямых действий» выдающегося английского военного историка сэра Бэзила Лиддел Гарта.

Пожалуй, здесь нужно остановиться на биографии этого человека, чтобы понять, почему сформулированная им теория оказала и продолжает оказывать столь заметное влияние на умы. Важнейшим событием в жизни для самого Лиддел Гарта и многих и многих представителей его поколения стала Первая мировая война, грандиозное потрясение основ казавшегося доселе

---

¹ Перевод В. Тихомирова.

незыблемым мира. После этой войны уже ничто не могло оставаться таким, как раньше, наступила пора переосмысления прежних ценностей – в частности, если говорить о военном искусстве, ценностей аналитической стратегии, обернувшейся колоссальными людскими потерями на фронтах. (К слову, из-за свойственной человеческому мышлению инерционности, для того чтобы аналитическая стратегия окончательно доказала свою несостоятельность в новых условиях, потребовалась еще одна мировая война, после которой исчезли всякие сомнения относительно неприемлемости былых подходов.) Итогом переосмысления для Лиддел Гарта стала книга «Стратегия не прямых действий», опубликованная в 1941 году.

Любопытно, что «капитана Лиддел Гарта», как он обычно подписывал свои статьи до посвящения в рыцарство в 1966 году, подозревали если не в шпионаже в пользу нацистской Германии, то в симпатиях к нацистам и в причастности к разработке плана блицкрига – по той причине, что многие положения этого плана были словно списаны из статей и исследований Лиддел Гарта. Уинстон Черчилль даже потребовал ареста военного обозревателя газеты «Таймс», однако секретная служба МИ-5 ограничилась тем, что установила наблюдение за Лиддел Гартом, прослушивала его телефонные звонки и перлюстрировала переписку. Когда в 2006 году были за прошествием времени открыты военные архивы МИ-5, выяснилось, что Лиддел Гарт за три месяца до высадки союзников в Нормандии обсуждал – в кругу лиц, принимавших решения – и критиковал планы генштаба на «День Д».

Но вернемся к «Стратегии не прямых действий». Опираясь на богатейший военный опыт человечества – ведь в боевых действиях наличие стратегическое мышления и его практические воплощения наиболее очевидны, – Лиддел Гарт составил настоящую энциклопедию стратегии и тактики, которую сам автор характеризовал как «свод не прямых действий». Лиддел Гарт писал: «При более глубоком изучении я начал понимать, что метод не прямых действий имеет значительно большее применение, что он является законом жизни во всех областях, философской истиной. Оказалось, что его применение служит ключом к практическому решению любой проблемы, решающим фактором в которой является человек, когда противоречивые интересы могут привести к конфликту. Во всех таких случаях прямой натиск новых идей вызывает упорное сопротивление, увеличивая, таким образом, трудность изменения взглядов. Изменение взглядов достигается более легко и быстро незаметным проникновением новой идеи или же посредством спора, в котором инстинктивное сопротивление оппонента преодолевается обходным путем». После публикации книги Лиддел Гарта термин «не прямые действия» прочно вошел в лексикон всех, кто изучает стратегическое мышление и использует полученные навыки в работе и повседневной жизни – от военных и политиков до методологов, психологов и специалистов по маркетингу.

При этом зачастую сам термин «не прямые действия» толкуют весьма широко и нередко подводят под это определение стратегию как таковую, словно бы напрочь исключая из рассмотрения лобовой удар (в самом общем смысле) в качестве одного из методов воплощения стратегии на практике. Подобный подход вряд ли можно назвать правильным, поскольку не прямые действия – все-таки часть стратегии, а не стратегия в целом, и при всей важности не прямых действий в любом отношении нельзя сводить к ним стратегию и тактику целиком. Кстати, показательный пример: если обратиться к современному военному опыту (а теория не прямых действий непосредственно связана в первую очередь с ним), налицо четкое разграничение сфер «прямой» стратегии, оперирующей традиционными штабными понятиями, восходящими еще ко временам античности, и стратегии «не прямой», более известной сегодня как методы информационной войны. То же самое можно наблюдать и в бизнесе, где сосуществуют, не подменяют, а дополняют друг друга, практическая, производственная деятельность и «косвенная», информационная активность, стимулирующая первую и призванная подорвать позиции конкурентов. И успех, не кратковременный, промежуточный, а, если угодно, глобальный, как в

воинских операциях, так и в деловых и в политических, возможен лишь при сочетании тех и других действий.

Как и «Государю», написанному четырьмя столетиями ранее, «Стратегии не прямых действий», вне сомнений, суждена долгая жизнь. Кому-то, быть может, сопоставление трактата Макиавелли и работы «обыкновенного» военного историка покажется неоправданным, но, во-первых, сэра Бэзил Лиддел Гарт – далеко не обыкновенный военный историк (к примеру, его «Вторая мировая война» считается одной из наиболее авторитетных книг по истории этого периода), а во-вторых, благодаря разнице в возрасте «Государь» попросту шире известен и успел себя, что называется, зарекомендовать у публики. «Стратегия...» же пока не столь на слуху, но ни в чем не уступает предшественнику.

Прочитайте – и убедитесь сами!

А. Лактионов

Предисловие автора к изданию 1954 г

Водородная бомба не обеспечивает западным народам осуществление мечты о полной и окончательной гарантии их безопасности. Водородная бомба не является панацеей от опасностей, нависших над ними. Она увеличила их ударную мощь, но в то же время усилила беспокойство и углубила чувство неуверенности.

Ответственным государственным деятелям Запада атомная бомба в 1945 г. казалась легким и простым средством достижения быстрой и окончательной победы и обеспечения мира во всем мире. Они думали, говорит Уинстон Черчилль, что «доведение войны до конца, достижение мира во всем мире, наложение исцеляющей десницы на пострадавшие народы мира посредством демонстрации подавляющей мощи с помощью нескольких атомных взрывов было после всех наших бед и злоключений чудом избавления». Однако тревожное состояние народов свободного мира в настоящее время является показателем того, что ответственные руководители не смогли до конца осмыслить проблему обеспечения мира посредством такой победы.

Они не стремились идти дальше своей непосредственной стратегической цели «выиграть войну» и удовлетворялись вопреки историческому опыту предположением, что военная победа приведет к миру. Результат оказался последним из многих уроков, показывающих, что чисто военная стратегия должна руководствоваться более дальновидной и имеющей более широкую перспективу «большой стратегией».

В условиях Второй мировой войны погоня за триумфом неизбежно должна была привести к трагедии и осознанию бесплодности усилий. Полный военный разгром Германии неизбежно должен был расчистить путь к господству Советской России на Евразийском континенте и привести к громадному распространению коммунистического влияния во всех странах. В равной мере естественно и то, что замечательная демонстрация атомного оружия, вскоре после применения которого закончилась война, должна была вызвать в России развитие подобного же рода оружия.

Еще ни один мир не приносил так мало безопасности народам. И после восьми весьма беспокойных лет создание термоядерного оружия еще более усилило чувство неуверенности у народов-«победителей». Но не только это явилось следствием войны.

Водородная бомба, даже в стадии пока еще экспериментальных взрывов, более чем какое бы то ни было другое оружие ясно показала, что «тотальная война» как метод и «победа» как цель войны являются устаревшими концепциями.

Это стали понимать также и главные сторонники стратегических бомбардировок. Маршал английских военно-воздушных сил Джон Слессор недавно высказал мнение, что «тотальная война, какой мы ее знали за последние сорок лет, стала понятием прошлого... мировая война в наши дни и в наш век будет, насколько мы это себе представляем, всеобщим самоубийством и концом цивилизации». Еще ранее маршал английских военно-воздушных сил Теддер характеризовал такую точку зрения как «точную и хладнокровную оценку действительных возможностей», добавив, что «война с применением атомного оружия была бы не дуэлью, а скорее всего взаимным самоубийством». И менее логично он добавил: «Это вряд ли будет стимулировать агрессию». Менее логично потому, что хладнокровный агрессор может рассчитывать на естественное нежелание своих противников покончить жизнь самоубийством в результате их немедленной реакции на угрозу, не являющуюся явно фатальной.

Решится ли какое-либо ответственное правительство применить водородную бомбу в ответ на не прямую агрессию или любую другую агрессию ограниченного характера? Какое ответственное правительство пошло бы первым на такой шаг, который сами руководители военно-воздушных сил называют «самоубийством»? Таким образом, можно предположить,

что водородная бомба не будет применена в случае любой угрозы, которая не повлечет за собой более гибельные последствия, чем сама бомба.

Вера государственных деятелей в атомное оружие как в сдерживающий агрессию фактор, по-видимому, основывается на иллюзии. Вполне вероятно, что угроза применить это оружие может быть воспринята в Кремле менее серьезно, чем в странах, расположенных по эту сторону железного занавеса, народы которых находятся на опасно малом удалении от России и ее стратегической бомбардировочной авиации. Угроза применить атомное оружие для защиты этих народов может привести только к ослаблению их решимости оказать сопротивление. Отрицательное действие такой угрозы уже причинило большой вред.

Водородная бомба скорее является препятствием, чем помощью при проведении политики «сдерживания». Она уменьшает вероятность всеобщей войны, но в то же время увеличивает возможность возникновения «ограниченной войны» в процессе не прямой и широко распространенной местной агрессии. Агрессор может использовать различные методы, но с таким расчетом, чтобы добиться своей цели и в то же время вызвать колебания у противника в отношении применения водородных или атомных бомб в качестве ответной меры.

В настоящее время для «сдерживания» угрозы мы становимся все более и более зависимыми от «обычных видов оружия». Однако такой вывод не означает, что мы должны использовать только старые виды оружия. Наоборот, он должен дать толчок для развития новых видов.

Мы вступили в новую эру стратегии, сильно отличающейся от стратегии, которой придерживаются сторонники атомной авиации, являвшиеся «революционерами» минувшей эры. Стратегия, которую в настоящее время разрабатывают наши противники, преследует две цели: сначала уклониться от ударов превосходящих воздушных сил, а затем ответными ударами парализовать их. Как ни странно, чем больше мы признаем необходимость нанесения массированных ударов бомбардировочной авиацией, тем больше помогаем совершенствованию этой новой стратегии партизанского типа.

Наша собственная стратегия должна основываться на ясном понимании этой концепции, а наша военная политика нуждается в соответствующей перестройке. Исходя из стратегии противника, мы можем эффективно разработать соответствующую контрстратегию. Здесь можно попутно отметить, что уничтожение городов водородными бомбами привело бы к уничтожению нашего потенциального союзника – «пятой колонны».

Широко распространенное мнение, что атомное оружие упразднило стратегию, является необоснованным и дезориентирующим. Доведя разрушительность до крайности «самоубийства», атомное оружие стимулирует и ускоряет возвращение к использованию непрямых действий, являющихся сущностью стратегии, так как в этом случае война ведется разумно в отличие от грубого применения силы. Признаки такого возвращения к применению непрямых действий уже выявились в ходе Второй мировой войны, в которой стратегия играла более значительную роль, чем в Первой мировой войне, хотя большая стратегия отсутствовала. В настоящее время атомное оружие, не позволяющее применять прямые действия, имеет тенденцию стимулировать разработку агрессорами более гибкой стратегии. Таким образом, становится все более очевидным, что этому мы должны противопоставить соответствующее развитие своего стратегического искусства. История стратегии по существу является летописью применения и развития метода непрямых действий.

Мой первый труд о «стратегии непрямых действий» был опубликован в 1929 г. под названием «Решающие войны прошлого». Настоящая книга является результатом дальнейших, продолжавшихся в течение двадцати пяти лет исследований и обобщений с учетом опыта Второй мировой войны в области стратегии и большой стратегии.

Когда я изучал очень многие военные кампании и впервые осознал превосходство непрямых действий над прямыми, мне просто хотелось более полно раскрыть сущность стратегии. Однако при более глубоком изучении я начал понимать, что метод непрямых действий имел

значительно большее применение, что он является законом жизни во всех областях, философской истиной. Оказалось, что его применение служит ключом к практическому решению любой проблемы, решающим фактором в которой является человек, когда противоречивые интересы могут привести к конфликту. Во всех таких случаях прямой натиск новых идей вызывает упорное сопротивление, увеличивая, таким образом, трудность изменения взглядов. Изменение взглядов достигается более легко и быстро незаметным проникновением новой идеи или же посредством спора, в котором инстинктивное сопротивление оппонента преодолевается обходным путем. Метод не прямых действий является таким же основным принципом в области политики, как и во взаимоотношениях между мужчиной и женщиной. Успех в торговле будет больше, если имеется возможность поторговаться, чем тогда, когда этой возможности нет. И в любой другой области общеизвестно, что самый верный способ добиться одобрения новой идеи начальником – это суметь внушить ему, что творцом этой идеи является он сам. Как и в войне, цель состоит в том, чтобы ослабить сопротивление прежде, чем пытаться преодолеть его, и это лучше всего достигается выманиванием противной стороны из занимаемых ею оборонительных позиций.

Идея не прямых действий тесно связана со всеми проблемами влияния одного разума на другой – это важнейший фактор человеческой истории. Однако эту идею трудно примирить с другим принципом, заключающимся в том, что к истинным выводам можно прийти или приблизиться, лишь следуя по пути истины, не считаясь с тем, куда он может привести и какое действие истина может оказать на различные заинтересованные стороны.

История является свидетельницей того, какую важную роль «пророки» играли в прогрессе человечества, что доказывает, насколько практически полезно с полной откровенностью говорить правду так, как ты ее себе представляешь. Однако ясно также, что дальнейшая судьба их откровений всегда зависела от другой категории людей – от «вождей», которым приходилось быть стратегами в области философии, добивающимися компромисса между истиной и способностью людей воспринимать ее. Их успех часто зависел от того, насколько они сами постигли истину, а также от практической мудрости, проявлявшейся ими при ее провозглашении.

Пророков неизбежно забрасывают камнями, такова их участь, и это критерий того, в какой мере выполнили они свое предназначение. Но вождь, которого забрасывают камнями, доказывает тем самым, что он не справился со своей задачей по недостатку мудрости или же потому, что спутал свои функции с функциями пророка. Только время может показать, оправдают ли результаты этой жертвы явный провал вождя, провал, делающий ему честь как человеку. По крайней мере, он избегает более распространенного греха вождей – принесения истины в жертву целесообразности без какой бы то ни было выгоды для дела. Ибо всякий, кто привык подавлять истину в угоду такту, производит урод из недр своего разума.

Существует ли практический способ сочетать процесс постижения истины с процессом ее приятия? Возможное разрешение этой проблемы подсказывается некоторыми стратегическими принципами, указывающими на то, как важно постоянно иметь в виду определенную цель и применять для ее достижения средства, судя по обстоятельствам. Противодействие истине неизбежно, особенно если истина облекается в форму какой-либо новой идеи, однако сила сопротивления может быть уменьшена, если уделить внимание не только цели, но и методу подхода. Избегай фронтального наступления на давно укрепленную позицию; старайся обойти ее с фланга, с тем чтобы натиску истины подверглась более уязвимая сторона. Однако всякий раз, избирая подобный окольный путь, нужно следить за тем, чтобы не уклониться от истины, ибо ничто не может быть более губительным для ее утверждения, как скатиться ко лжи. Смысл всех этих рассуждений может стать более ясным, если посмотреть на собственный опыт. Присматриваясь к тому, через какие этапы прошли различные новые идеи, пока они не получили признания, мы убеждаемся, что этот процесс был облегчен в тех случаях, когда идеи

удавалось представить не как нечто совершенно новое, а как возрождение в модернизированном виде освященных временем, но позабытых принципов или практики. Для этого не надо было прибегать к обману, надо было лишь взять на себя труд обнаружить такую связь, ибо «нет ничего нового под солнцем». Например, возражения против механизации стало легче преодолеть, когда было доказано, что подвижная бронированная машина, т. е. быстроходный танк, по существу является наследником рыцарской конницы и, следовательно, естественным средством восстановления той решающей роли, которую играла кавалерия в прошлые века.

Б. Х. Лиддел Гарт

Часть первая

Стратегия периода: V в. до нашей эры – XX в. нашей эры

Глава I. История как практический опыт

«Дураки говорят, что они учатся на собственном опыте. Я предпочитаю учиться на опыте других». Этот афоризм, приписываемый Бисмарку, но отнюдь не принадлежащий ему, имеет особое значение для военных проблем. В отличие от людей других профессий кадровый солдат не может непрерывно нести свою службу. В самом деле, можно даже утверждать, что в буквальном смысле военная профессия вовсе не профессия, а всего лишь случайная работа, причем парадоксально, что она перестала быть профессией с тех пор, как наемные войска, использовавшиеся и оплачиваемые только во время войны, были заменены регулярными армиями, которым продолжали выплачивать денежное содержание и тогда, когда войны не было.

Если утверждение, что, строго говоря, «военной профессии» нет, не является справедливым в отношении большинства современных армий с точки зрения их постоянной занятости, все же оно не лишено основания, учитывая, что войны теперь по сравнению с прошлыми временами ведутся реже, хотя масштаб их стал больше. Даже самая усиленная подготовка в мирное время носит больше теоретический, чем практический характер.

Однако афоризм Бисмарка помогает нам более правильно подойти к решению практических задач. Он дает нам возможность уяснить, что имеются два вида практического опыта – прямой и непрямой – и что непрямой опыт может быть значительно ценнее потому, что он бесконечно шире. Даже в наиболее выгодных областях работы, особенно на военной службе, масштабы и возможности для приобретения прямого опыта чрезвычайно ограничены. В отличие от военной медицинская профессия имеет большую практику. Однако величайшие достижения в медицине и хирургии были результатом работы главным образом исследователей, а не практиков.

Прямой опыт по природе своей слишком ограничен, чтобы служить достаточной базой как для теории, так и для практики. В лучшем случае он создает атмосферу, которая является ценной для научных обобщений. Более значительная ценность непрямого опыта заключается в его большом разнообразии и широте. «История – это всеобщий опыт», опыт не одного человека, а многих людей, действующих в разнообразных условиях.

Целесообразность использования военной истории в качестве основы для военного образования объясняется ее выдающейся практической ценностью в подготовке и развитии солдата. Однако ценность этого опыта, как и всякого другого, зависит от того, насколько близко он приближается к приведенному выше определению, а также от метода изучения его.

Полководцы обычно признают справедливость часто цитируемого афоризма Наполеона, что на войне «моральный фактор относится к физическому как три к одному». Верно ли это арифметическое соотношение, трудно сказать, ибо моральный дух будет падать, если вооружение не удовлетворяет требованиям, и от наибольшей силы воли будет мало пользы, если обладатель ее превратится в труп. Но, несмотря на то что моральный и физический факторы представляют единство и их нельзя отделить друг от друга, это положение является чрезвычайно ценным, так как оно выражает идею преобладающего влияния морального фактора во всех военных действиях. От него зависит исход войны и боя. В военной истории он представляет наиболее постоянный фактор, изменяющийся лишь в незначительной степени, в то время как физический фактор изменяется почти в каждой войне и в каждой военной обстановке.

Понимание этого обстоятельства поможет изучению военной истории с точки зрения ее практического использования. В прошлом военная подготовка и военная теория строились на основе тщательного изучения всего лишь одной или двух кампаний. При такой ограниченной основе постоянные изменения в военных средствах, которые имели место в каждой войне, создавали опасность, что наши взгляды будут слишком ограниченными, а выводы – ошибочными. В физической области единственным неизменным фактором является то, что средства и условия непрерывно меняются.

В противоположность этому люди реагируют на опасность примерно одинаково. Некоторые люди благодаря природным данным, закалке и специальной подготовке менее чувствительны, чем другие, но разница между ними не слишком велика. Чем более специфична обстановка и ограничен наш анализ, тем труднее определить моральный фактор. В этом случае могут возникнуть затруднения в точном определении сопротивления, которое войска окажут в той или иной конкретной обстановке, но тем не менее это не мешает сделать вывод, что они окажут менее упорное сопротивление, если будут застигнуты врасплох или если будут утомлены и голодны. Чем полнее психологический анализ, тем лучшую основу он дает для выводов.

Превосходство психологического фактора над физическим и его большее постоянство приводят к заключению, что база любой военной теории должна быть как можно шире. Тщательное изучение одной кампании, если оно не основано на хорошем знании всей военной истории, может привести к неправильным выводам. Но если будет подмечена определенная закономерность, характерная для различных эпох и в различных условиях, есть полное основание включить эту закономерность в военную теорию.

Тезис, выдвигаемый в этой книге, явился продуктом именно такого глубокого исследования. Фактически он может быть определен как суммарное следствие определенного опыта, приобретенного автором этой книги за время работы в качестве военного редактора Британской энциклопедии. В то время как раньше автор изучал различные периоды военной истории по произвольному выбору, задача, поставленная перед ним в энциклопедии, вынудила его заняться общим обзором всех периодов. Топограф, даже турист, если хотите, имеет перед своим взором более широкую перспективу и может составить общее представление о местности, в то время как шахтер видит только забой, в котором он работает.

При таком исследовании складывается впечатление, что на протяжении всей истории человечества результаты войны редко были эффективными, если действия не были настолько непрямыми, чтобы захватить противника врасплох. Непрямыми были как физические, так и психологические действия; первые – обычно, а вторые – всегда. В стратегии самый длинный обходный путь часто является кратчайшим путем к цели.

Все больше убеждаешься в том, что прямой подход к цели – психологической или физической – с направления, откуда противник ожидает нанесения удара, чаще всего приводит к отрицательным результатам. Причина этого ярко выражена в приводившемся выше афоризме Наполеона: «Моральный фактор относится к физическому как три к одному». Это означает, что, хотя формально сила противостоящей армии или страны определяется количеством войск и материальными ресурсами, последние в значительной степени зависят от стабильности управления, морального состояния, обеспечения бесперебойного снабжения.

Наступление в направлении, не являющемся для противника неожиданным, улучшает его положение и, таким образом, увеличивает силу его сопротивления. В войне, как и в спортивной борьбе, попытка бросить противника наземь, не лишив его предварительно устойчивости и равновесия, приводит к излишней и непроизводительной трате сил по сравнению с тем напряжением, которое испытывает противник. Успех при таком способе борьбы возможен только при огромном превосходстве в силах, и даже при этом условии он не будет решающим. В большинстве кампаний нарушение психологического и физического равновесия противника являлось важной предпосылкой для его окончательного разгрома.

Такое нарушение равновесия достигалось преднамеренными или случайными стратегическими непрямыми действиями. Как показывает анализ, такая стратегия может иметь различные формы, она шире, чем «*manoeuvre sur les derrieres*»,² которые, как показали исследования генерала Камона, являлись постоянной целью и основным методом Наполеона при ведении боевых действий. Камон в основном изучал факторы времени, пространства и коммуникаций, но анализ психологических факторов ясно показал, что имеется внутренняя взаимосвязь между многими стратегическими мероприятиями, которые внешне не были похожи на маневры с выходом в тыл противнику и тем не менее определенно являются яркими примерами «стратегии не прямых действий».

Чтобы выявить эту взаимосвязь и определить характер различных действий, нет необходимости сопоставлять количество участвовавших в них войск, порядок снабжения и работу транспорта. В многочисленных исторических случаях нас интересуют аналогичные явления, а также работа тыла и мероприятия психологического характера, которые привели к ним.

Если в условиях, резко различающихся по характеру, масштабу и времени, при проведении аналогичных мероприятий получают похожие результаты, то совершенно очевидно, что здесь имеется какая-то взаимосвязь, изучив которую, мы можем логически выявить общую закономерность. Чем более будут различаться условия, тем определеннее будет выявлена эта закономерность.

Ценность всестороннего исследования войны заключается не только в том, что оно помогает найти новую и правильную доктрину. Если такое исследование является необходимой основой для любой военной теории, то оно в одинаковой степени необходимо и для обычного военного, изучающего историю войн и стремящегося развить собственный взгляд на вещи и составить собственные суждения. В противном случае его знания военного искусства будут неустойчивы, подобно перевернутой пирамиде, которую пытаются поставить на острие вершины.

---

² Маневры с выходом в тыл противнику (*фр.*).

Глава II. Греческие войны – Эпаминонд, Филипп и Александр Македонский

Наиболее естественной отправной точкой для нашего исследования является первая большая война в европейской истории – Великая персидская война. Мы не можем рассчитывать на то, чтобы извлечь много поучительного из того периода, когда стратегия находилась в своем зачаточном состоянии. Однако слово «Марафон» слишком глубоко врезалось в память и слишком сильно действует на воображение всех изучающих историю, чтобы с ним не считаться. Еще большее впечатление это слово производило на греков. Поэтому в течение всех последующих веков сначала они, а затем европейцы преувеличивали значение Марафонского сражения. Однако если оценить его важность без преувеличений, то от этого лишь виднее становится его стратегическое значение.

Персидское вторжение в 490 г. до н. э. было сравнительно небольшой экспедицией, имевшей целью заставить Эретрию и Афины (см. рис. 1), являвшиеся, по мнению Дария, мелкими государствами, не вмешиваться в чужие дела и воздержаться от инспирирования восстания среди греческого населения Малой Азии, находившегося в персидском подданстве. Эретрия была разгромлена, и ее население вывезено для поселения на побережье Персидского залива. Затем наступила очередь Афин, где, как было известно, ультрадемократическая партия намеревалась поддержать персидскую интервенцию, надеясь с ее помощью победить консервативную партию. Учитывая это, персы вместо наступления прямо на Афины высадились в Марафоне, в 24 милях северо-восточнее Афин. Этим маневром они рассчитывали выманить афинскую армию из города, чтобы тем самым облегчить захват власти в Афинах своим сторонникам, тогда как прямое наступление на город помешало бы восстанию и, возможно, даже заставило бы их выступить против персов. Во всяком случае прямое наступление поставило бы перед персами дополнительную трудную задачу осады города.

Если замысел персов был именно таким, то уловка удалась. Афинская армия выступила в направлении Марафона навстречу персам, которые тем временем приступили к выполнению следующего этапа своего стратегического плана. Под охраной войск прикрытия они снова погрузили свои главные силы на суда с целью выйти кружным путем к Фалерону, высадиться там и сделать бросок к незащищенным Афинам. Замечательно тонкое хитроумие этого стратегического замысла, хотя по целому ряду обстоятельств он и не увенчался успехом.

Благодаря энергии Мильтиада афиняне использовали свою единственную возможность и немедленно нанесли удар по силам прикрытия персов. В Марафонском сражении греки добились победы также благодаря лучшему вооружению. Более длинные копья и лучшие доспехи всегда давали грекам преимущество над персами. Сражение протекало гораздо напряженнее, чем рисует патриотическая легенда, причем значительной части сил прикрытия персов удалось без потерь погрузиться на корабли. С еще большей энергией, делающей им честь, афиняне совершили форсированный обратный марш к своему городу, и эта быстрота в сочетании с медлительностью действий оппозиционной партии спасла их. Ибо, когда афинская армия была уже в Афинах и персы увидели, что осада неизбежна, они отплыли обратно в Азию, поскольку перспектива выполнения чисто карательной задачи ценою больших потерь им не улыбалась.

Прошло десять лет, прежде чем персы предприняли еще одну попытку и напали на греков более крупными силами. Греки медленно усваивали уроки прошлого, и только в 487 г. до н. э. Афины приступили к увеличению своего флота, который должен был стать решающим фактором для нейтрализации превосходства персов в сухопутных силах. Таким образом, с полным основанием можно сказать, что Греция и Европа были спасены благодаря восстанию в Египте,

которое приковывало к себе внимание Персии с 486 по 484 г. до н. э., а также благодаря смерти Дария, наиболее способного из персидских правителей той эпохи.

В 481 г. до н. э. снова возникла угроза нашествия персов, на этот раз в большем масштабе. Сам размах нашествия не только сплотил греческие общины и государства, но и заставил Ксеркса прямо двинуться к своей цели. Армия Ксеркса была слишком велика для переброски по морю, поэтому он был вынужден направить ее по суше. По этой же причине персидская армия была не в состоянии обеспечить себя запасами продовольствия, вследствие чего к решению этой задачи пришлось привлечь флот. Таким образом, армия оказалась привязанной к побережью, а флот – к армии, в результате действия обоих были скованы, и греки знали, с какого направления следует ожидать наступления противника, а персы уклониться в сторону не могли.

Характер местности позволял грекам создать несколько последовательных позиций. Опираясь на эти позиции, они имели возможность надежно блокировать наступающего противника, и, как отмечает Гранди, если бы не разногласия среди самих греков, «захватчики, вероятно, никогда не продвинулись бы южнее Фермопил». Этого не случилось, зато история получила бессмертную эпопею, а греческому флоту выпала честь полностью сорвать вторжение, разгромив персидский флот у о-ва Саламин. Ксеркс и персидская армия беспомощно наблюдали за уничтожением своего флота, который был для армии не только средством передвижения, но, что более важно, и средством снабжения.

Следует отметить, что благоприятная возможность для проведения этого решающего морского сражения была достигнута хитростью, которую можно расценить как одну из форм непрямых действий. Фемистокл написал Ксерксу о том, что греческий флот готов к предательской капитуляции. С помощью этой хитрости удалось завлечь персидский флот в узкий пролив, где его количественное превосходство было сведено на нет. Уловка оказалась тем более успешной, что прошлый опыт делал письмо весьма правдоподобным. Действительно, подоплекой письма была боязнь Фемистокла, что союзные пелопоннесские полководцы отступят от Саламина, как они предлагали на военном совете, и тем самым вынудят афинский флот принять бой в одиночку или дадут персам возможность использовать свое количественное превосходство в открытом море.

В персидском лагере только один человек выступил против решения Ксеркса немедленно начать сражение. Это была царица Галикарнаса Артемисия, настаивавшая на принятии другого плана. Она предлагала воздержаться от сражения, а вместо этого во взаимодействии с персидскими сухопутными силами выступить против п-ва Пелопоннес. Она утверждала, что пелопоннесские корабли в ответ на такую угрозу уйдут в свои порты и тем самым вызовут развал греческого флота. По-видимому, ее предположение было хорошо обоснованным, так же как и тревога Фемистокла, и корабли ушли бы на следующее же утро, если бы персидские галеры не блокировали выходы, намереваясь произвести атаку.

Однако атака начала принимать очень невыгодный оборот для персов из-за отхода греческих кораблей, которые действовали в качестве приманки, вынуждая основные силы противника произвести удар по пустому месту. Когда атакующие суда персов двинулись в узкие проливы, греческие галеры отошли назад. Чтобы догнать, их, персидские галеры были вынуждены увеличить скорость движения и в результате сгрудились, дав возможность греческим галерам нанести контрудар во фланг.

По-видимому, в течение последующих семидесяти лет боязнь удара Афин по коммуникациям удерживала персов от повторения вторжения в Грецию. Это подтверждается тем, что вскоре после разгрома афинского флота в Сиракузах снова возникла такая угроза. Интересно отметить, судя по историческому опыту, что стратегическую подвижность для непрямых действий начали использовать в морской войне значительно раньше, чем в войне на суше. Это объясняется тем, что только на более позднем этапе развития снабжение армий стало зависеть

от «линии коммуникаций». Флоты, однако, использовались против морских коммуникаций и средств снабжения стран противника.

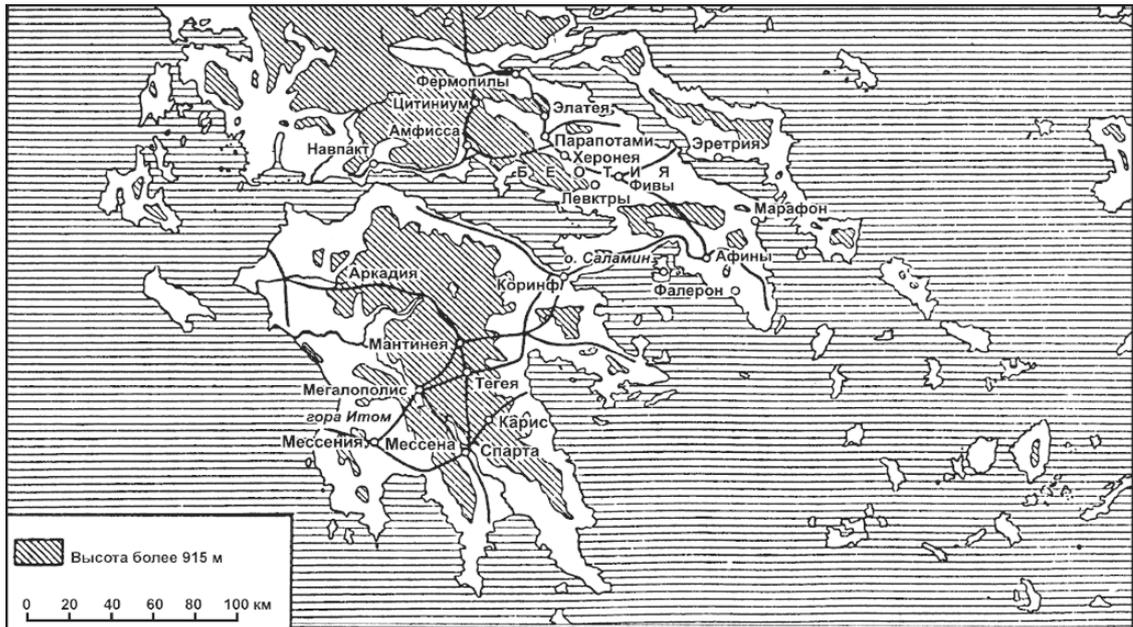

Рис. 1. Центральная и южная Греция

С устранением персидской угрозы после боя у о-ва Саламин Афины заняли господствующее положение в Греции. Конец этого господства наступил в результате Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н. э.). Чрезмерная продолжительность этой двадцатисемилетней войны и огромное истощение не только основных противников, но и незадачливых, формально нейтральных государств могут быть объяснены непоследовательной и часто бесплодной стратегией, которой нередко придерживались обе стороны.

На первом этапе Спарта и ее союзники попытались осуществить прямое вторжение в Аттику (см. рис. 1). Планы их были расстроены военной политикой Перикла, состоявшей в уклонении от боя на суше при одновременном использовании более сильного афинского военно-морского флота с целью сломить волю противника опустошительными рейдами. Хотя выражение «стратегия Перикла» является почти так же хорошо известным, как и появившееся позднее выражение «стратегия Фобия», однако оно ограничивает и затрудняет понимание хода войны. Поэтому во избежание кривотолков необходимо руководствоваться строго определенной терминологией.

Так, например, термин «стратегия» лучше всего понимать в буквальном значении – как «полководческое искусство», т. е. фактическое руководство вооруженными силами, в отличие от политики, определяющей не только их использование, но и сочетание с другими средствами: экономическими, политическими, психологическими. Такая политика осуществляется посредством применения стратегии высшего типа, так называемой большой стратегии.

В отличие от стратегии не прямых действий, которая для достижения победы ставила своей задачей нарушить устойчивость противника, план Перикла по существу являлся большой стратегией, ставившей своей целью постепенно измотать противника, чтобы убедить его в том, что он не сможет добиться победы. К несчастью для Афин, вспышка чумы решила не в их пользу исход этой кампании, рассчитанной на моральное и экономическое истощение. Поэтому в 426 г. до н. э. стратегия Перикла была вынуждена уступить место стратегии прямого наступления Клеона и Демосфена. Эта стратегия обошлась дороже и оказалась ничуть не лучше, несмотря на блестящие тактические успехи. Позднее, в начале зимы 424 г. до н. э., Бра-

сиад, наиболее способный полководец Спарты, ликвидировал все преимущества, с таким трудом завоеванные Афинами. Он добился этого в результате стратегического маневра, направленного на подрыв корней, а не на сокрушение ствола мощи противника. Обойдя Афины, он совершил форсированный марш на север через всю Грецию и нанес удар по афинскому доминиону в Халкидике (см. рис. 2), который удачно назвали «ахиллесовой пятой Афинской империи». Военной силой, а также обещанием свободы и защиты всем городам, восставшим против Афин, он настолько подорвал господство Афин в Халкидике, что вынудил Афины послать туда свои главные силы. В сражении под Амфиолом афинская армия потерпела тяжелое поражение. Несмотря на то что в бою погиб сам Брасиад, Афины были рады заключить со Спартой невыгодный для себя мир.

В последующие годы неустойчивого мира Афины, несмотря на повторные экспедиции, не смогли вернуть потерянный плацдарм в Халкидике. Тогда в качестве последнего активного средства Афины предприняли экспедицию против Сиракуз, являвшихся ключом к Сицилии, откуда осуществлялось снабжение продовольствием Спарты и вообще всего п-ва Пелопоннес. Являясь примером непрямого действия в области большой стратегии, посылка этой экспедиции имела тот недостаток, что удар наносился не по действительным военным союзникам противника, а по странам, сотрудничавшим с ним на деловой почве. Таким образом, вместо ослабления сил противника эта экспедиция привлекла на его сторону новые силы.

Тем не менее моральные и экономические последствия успеха экспедиции могли значительно изменить весь ход войны, если бы в ходе ее не было допущено большого количества грубых ошибок. Алкивиад, автор этого плана, был отозван с поста командующего объединенными силами в результате интриг его политических противников. Вместо того чтобы возвратиться в Афины и предстать перед судом по обвинению в святотатстве и, несомненно, получить смертный приговор, он бежал в Спарту, чтобы помочь противнику сорвать осуществление его же собственного плана. Вместо него командующим был назначен Никий, ярый противник плана Алкивиада. Будучи, кроме того, крайне невежественным, Никий, естественно, этот план провалил.

Потеряв свою армию в Сиракузах, Афины избежали поражения только благодаря действиям своего флота. В ходе морской войны, которая продолжалась в течение девяти лет, Афины добились не только заключения выгодного мира, но и восстановления своей империи. Однако дальнейшие мероприятия Афин были совершенно сорваны в 405 г. до н. э. командующим спартанским флотом Лисандром. В книге Кембриджского университета «Древняя история» о Лисандре говорится следующее:

«Его план состоял в том, чтобы избежать боя, довести афинян до истощения, нападая на наиболее уязвимые места их империи...» Первая часть этого тезиса вряд ли правильна, так как план Лисандра был рассчитан не столько на уклонение от боя, сколько на не прямые действия, на удары по противнику тогда и там, где шансы были целиком на его стороне. Путем искусных и вводящих в заблуждение изменений направления движения своего флота он подошел к входу в пролив Дарданеллы и стал поджидать там возвращения понтийских кораблей, груженных зерном для Афин. Поскольку снабжение Афин хлебом было жизненно важным, афинское командование спешно направило весь свой флот в составе 180 кораблей для охраны судов с зерном. В течение четырех дней подряд эти корабли безуспешно пытались втянуть Лисандра в морской бой, в то время как последний всячески старался создать впечатление, что его положение безнадежно. Таким образом, вместо того чтобы отойти для пополнения запасов в безопасную бухту Сеет, афинские корабли продолжали оставаться в открытом проливе перед Лисандром, вблизи Эгоспотамы. На пятый день, когда большинство команд сошло с афинских кораблей на берег за продовольствием, Лисандр внезапно напал, без боя захватил почти весь афинский флот и таким образом в течение одного часа закончил одну из самых продолжительных войн.

В ходе этой двадцатисемилетней борьбы, в которой большое количество прямых действий оканчивалось безрезультатно, обычно с большими потерями для нападавших, чаша весов определенно склонилась не в пользу Афин, когда Брасиад двинулся на Халкидику – «корень» Афин. Наиболее определенные надежды на восстановление военной мощи Афин появились в результате не прямых действий Алкивиада (в плане большой стратегии) против экономической базы Спарты в Сицилии. Однако это не спасло Афины, и последний решающий удар был нанесен Афинам Спартой через десять лет благодаря тактическим не прямым действиям ее флота на море, которые сами по себе были следствием новых не прямых действий в плане большой стратегии. Следует отметить, что благоприятные возможности для нанесения этого удара были созданы Спартой путем угрозы жизненно важным морским коммуникациям Афин. Овладев афинским флотом, Лисандр мог надеяться по крайней мере на ослабление экономической мощи Афин, обусловленное захватом их экономической базы. Вызвав недовольство и страх, Лисандр создал благоприятные условия для нанесения других ударов и достижения быстрой военной победы.

С падением Афинской империи господствующее положение в Греции заняла Спарта. Поэтому нашим следующим вопросом будет выяснить, что явилось решающим фактором, положившим конец власти Спарты? Ответ может быть только один: человек и его вклад в науку и искусство войны. В годы, непосредственно предшествовавшие возвышению Эпаминонда, Фивы освободились от владычества Спарты благодаря применению метода уклонения от боя, впоследствии названного стратегией Фабия. Последняя, хотя и относится к области большой стратегии не прямых действий, по существу является стратегией уклонения от боя. Придерживаясь этого метода, войска Фив избегали открытой борьбы, в то время как спартанские войска бесцельно блуждали в Беотии, не встречая никакого сопротивления. Этот метод позволил Фивам выиграть время для создания отборных профессиональных войск, известных под названием «Священного отряда», которые в дальнейшем явились ударной частью фиванской армии. Кроме того, этот метод создал необходимые условия Фивам для распространения недовольства Спартой, а Афинам, освобожденным вследствие этого от угрозы с суши, дал возможность использовать свою энергию и людские ресурсы для восстановления флота.

Таким образом, в 374 г. до н. э. Афинская конфедерация, в которую входили и Фивы, заключила выгодный мир со Спартой. Хотя этот мир был вскоре нарушен в результате афинской авантюры на море, через три года снова начались переговоры о мире, так как афиняне устали от войны. Здесь, за столом переговоров, Спарта вновь приобрела многое из того, что она потеряла в ходе войны, и ей удалось изолировать Фивы от их союзников. Вслед за этим Спарта напала на Фивы с целью разгромить их. Однако, вступив в Беотию в 371 г. до н. э., ее армия, всегда обладавшая качественным, а в данном случае и численным превосходством (10 тыс. человек против 6000), была полностью разгромлена в сражении при Левктрах (см. рис. 1) новой, хорошо оснащенной армией Фив под командованием Эпаминонда.

Эпаминонд не только отказался от старых тактических приемов, разработанных на основе многовекового опыта, но и заложил основы тактики, стратегии и большой стратегии, на которых воспитывались последующие поколения полководцев. Применявшиеся им методы построения войск не потеряли своего значения и в наши дни. Так, например, «косой боевой порядок», введенный Фридрихом Великим, являлся лишь дальнейшим развитием метода Эпаминонда. При Левктрах, вопреки установившейся традиции, Эпаминонд сосредоточил на левом фланге не только своих лучших воинов, но и главные силы, отведя слабые центр и правый фланг назад, создав таким образом значительное превосходство в силах на правом фланге противника, на котором находился их командующий – мозг армии.

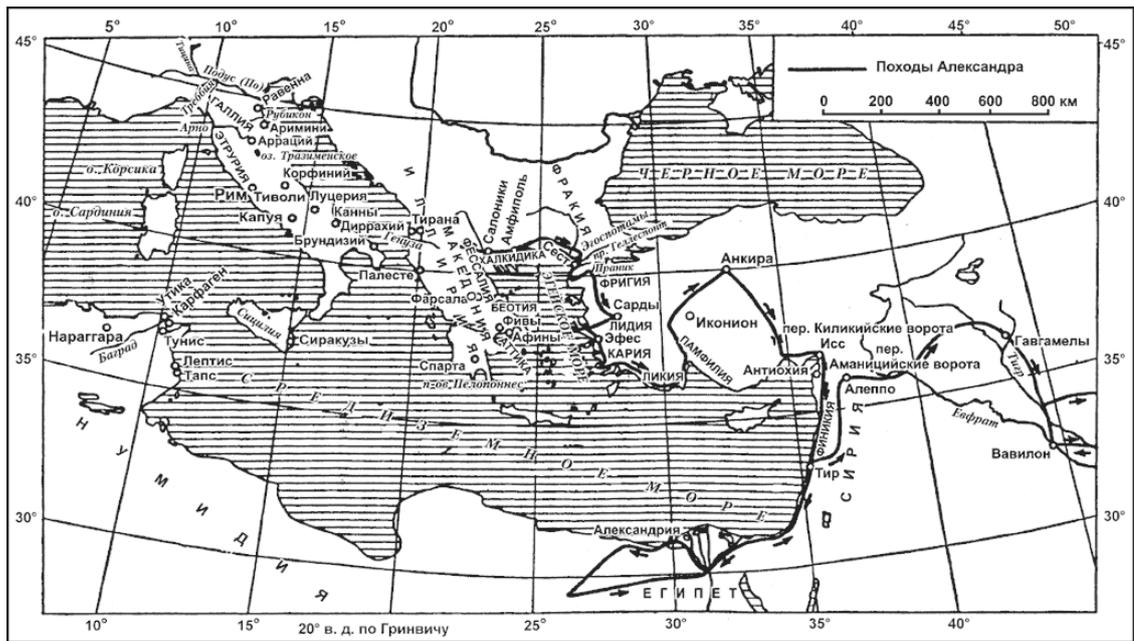

Рис. 2. Восточная часть Средиземного моря

Через год после сражения при Левктрах Эпаминонд двинул войска вновь созданной Аркадийской лиги в глубь Спарты. Этот поход в центр Пелопоннесского п-ва, столь длительное время находившегося под безраздельным господством Спарты, отличался разносторонним и умелым использованием метода не прямых действий. Он был совершен в середине зимы тремя отдельными колоннами, двигавшимися по сходящимся направлениям, что заставляло противника рассредоточить силы и ослабить сопротивление. Только один этот марш являлся непревзойденным образцом военного искусства в древних, или, точнее, донаполеоновских, войнах. Однако, имея еще более глубокий стратегический замысел, Эпаминонд, после того как его войска соединились под Карие, в 32 км от Спарты, обошел столицу и двинулся к ней с тыла. Маневр был рассчитан еще и на то, что вторгнувшимся войскам удастся привлечь на свою сторону значительное количество илотов и других недовольных элементов. Однако спартамцам удалось предотвратить это опасное внутреннее движение срочным обещанием освободить илотов от рабства. Кроме того, своевременное прибытие в Спарту сильных подкреплений от ее пелопоннесских союзников предотвратило возможность падения города без длительной осады.

Эпаминонд вскоре понял, что спартамцев не удастся выманить из города и что продолжительная осада привела бы к ослаблению его разнородной армии. Поэтому он отказался от шаблонной стратегии в пользу более гибкого оружия – большой стратегии не прямых действий. На горе Итом, являющейся естественной цитаделью Мессении, он построил город Мессена, сделал его столицей нового государства Мессения, поселил в нем все недовольные элементы, присоединившиеся к нему, и отдал им всю награбленную в ходе войны добычу. Это государство было помехой действиям Спарты в Южной Греции. В результате Спарта потеряла половину своей территории и более половины рабов. Благодаря основанию Эпаминондом нового города-государства Мегалополис в Аркадии как дополнительного барьера против Спарты последняя оказалась окруженной как в политическом, так и в военном отношении системой крепостей, в результате чего экономические корни ее военного могущества были подорваны. Когда Эпаминонд ушел с Пелопоннеса после кампании, длившейся всего несколько месяцев, он не одержал ни одной победы на поле боя, и все-таки благодаря использованию большой стратегии он серьезно подорвал основы спартамского могущества.

Однако политические деятели в Фивах стремились к крупному военному успеху и были разочарованы тем, что этот успех не был достигнут. В результате хотя и временной отставки

Эпаминонда демократическая партия Фив из-за ее близорукой политики и ошибочной дипломатии потеряла завоеванные для нее преимущества. Это дало возможность аркадийским союзникам, в которых чувство благодарности заслонялось растущим тщеславием и честолюбием, воспротивиться руководству Фив. В 362 г. до н. э. Фивы были поставлены перед выбором: подтвердить свою власть силой или пожертвовать престижем. Их наступление на Аркадию явилось причиной нового раздела греческих государств на две враждебные коалиции. К счастью для Фив, к их услугам был как сам Эпаминонд, так и плоды его большой стратегии, так как созданные им государства Мессения и Мегалополис являлись теперь не только факторами, сдерживающими экспансию Спарты, но и увеличивали силу самих Фив.

Вступив на Пелопоннеский п-ов, Эпаминонд соединился под Тегеей (см. рис. 1) со своими пелопоннесскими союзниками, оказавшись, таким образом, между Спартой и войсками остальных государств антифиванской коалиции, сосредоточившимися в районе Мантинее. Когда спартанские войска выступили из города для соединения со своими союзниками, Эпаминонд ночью сделал внезапный бросок на Спарту, используя для этой цели свои подвижные войска. Он не добился успеха только потому, что некий дезертир своевременно предупредил спартанцев и они, совершив форсированный марш, возвратились в город. Тогда он принял решение добиться победы боем и двинулся от Тегеи через долину, имевшую форму песочных часов, к Мантинее, находившейся на расстоянии около 19 км. Противник занял сильную позицию шириной 1,6 км в наиболее узком месте долины.

Наступление Эпаминонда по своему масштабу находилось на границе между стратегией и тактикой. Однако произвольное отнесение этого маневра Эпаминонда к тому или другому виду могло бы привести к ошибочным выводам, тем более что победа при Мантинее была предопределена благодаря использованию метода не прямых действий. Сначала Эпаминонд двинулся прямо к лагерю противника, заставив его построить свои войска в боевой порядок, фронтом в направлении ожидаемого наступления Эпаминонда. Однако, не доходя нескольких километров до лагеря спартанцев, он неожиданно повернул влево, укрывшись от наблюдения противника за высотами. Этот внезапный маневр создал угрозу их правому флангу. Чтобы еще больше расстроить боевые порядки спартанцев, Эпаминонд остановился, приказал своим войскам сложить оружие якобы для того, чтобы расположиться лагерем. Эта хитрость увенчалась успехом. Обманутый противник расстроил свои боевые порядки, позволив войскам выйти из строя и разнудать лошадей. Тем временем Эпаминонд под прикрытием легких частей фактически заканчивал построение войск в боевые порядки, аналогичные тем, которые были применены при Левктрах, но более совершенные. Затем по сигналу фиванская армия быстро разобрала оружие и бросилась вперед, к победе, которая была уже почти предрешена расстройством в рядах противника. Однако Эпаминонд пал в бою, и фиванская армия, растерявшись, отступила, убедительно показав последующим поколениям, что армия и государство быстрее всего могут погибнуть, если парализован их мозг.

Следующей решающей войной, происходившей более 20 лет спустя, была война 338 г. до н. э., обеспечившая Македонии господствующее положение в Греции. Эта война является ярким примером того, как политика и стратегия могут содействовать друг другу и как естественные препятствия могут быть использованы в интересах стратегии. Македонцы, хотя и были греками, по существу являлись «чужеземцами». К этому времени Фивы и Афины объединились, создав панэллинский союз в противовес растущему могуществу Македонии. Кроме того, они нашли иностранного союзника в лице персидского царя (парадокс истории и человеческой природы), и снова нападающий понял значение не прямых действий. Даже предлог для попытки Филиппа Македонского добиться господствующего положения носил замаскированный характер, ибо совет дельфийской амфикистии просто пригласил его оказать помощь в наказании Амфиссы, расположенной в Западной Беотии, за кощунственные действия. Вполне вероятно, что сам Филипп подсказал сделать ему это приглашение, которое хотя и послужило

поводом для объединения против него Фив и Афин, но по крайней мере обеспечило благожелательный нейтралитет других греческих государств.

Совершив марш в южном направлении, Филипп внезапно свернул вблизи Цитиниума с дороги на Амфиссу, являющуюся наиболее вероятным направлением его движения, и вместо этого захватил и укрепил Элатею. Это изменение первоначального направления движения свидетельствовало, что у него были широкие политические цели; в то же время оно показало и стратегический замысел, который выявился в ходе военных действий. Союзные войска Фив и Беотии прикрыли горные проходы на дорогах, ведущих в Беотию, как с запада – от Цитиниума к Амфиссе, так и с востока – через горный перевал Парапетами, от Элатеи к Херонее.

Прежде чем продолжать военные действия, Филипп принял меры по ослаблению своих противников: политические – путем восстановления фосианских сообществ, ранее распущенных фиванцами; религиозные – путем провозглашения себя последователем дельфийского оракула.

Затем весной 338 г. до н. э. Филипп нанес внезапный удар по панэллинскому союзу, расчистив себе путь хитростью. Захватом Элатеи Филипп стратегически приковал внимание противника к восточной дороге, вдоль которой тот стал ожидать наступления, а затем усыпил тактическую бдительность войск противника, оборонявших западную дорогу, подстроив дело так, что в их руки попало письмо, в котором говорилось о его мнимом возвращении во Фракию. После этого он форсированным маршем двинулся от Цитиниума, ночью перешел через перевал и вышел на открытую местность в Западной Беотии, в районе Амфиссы. Выйдя к Навпакту, он обеспечил себе связь с морем.

Теперь он оказался в тылу противника, хотя и на некотором удалении от его войск, оборонявших восточный перевал. Учитывая это, войска союзников отступили от Парапетами. Если бы они не сделали этого, их путь отхода мог оказаться перехваченным, да и не было никакого смысла оставаться на месте. Однако Филипп свернул с того направления, где его ждали, и снова совершил не прямой ход. Вместо наступления в восточном направлении от Амфиссы по холмистой местности, которая была благоприятна для действия противника, он повел свою армию обратно через Цитиниум и Элатею, затем повернул на юг через незащищенный теперь перевал Парапетами и обрушился на армию противника в Херонее. Этот маневр в большой мере обеспечил ему победу в последовавшем бою. Эффект его был дополнен искусной тактикой. Филипп хитростью выманил афинские войска с занимаемых ими позиций, делая вид, что отступает, а когда они вышли на равнину, нанес контрудар и прорвал их фронт. В результате боя при Херонее Македония установила свое господство над Грецией.

Смерть помешала Филиппу расширить свои завоевания в Азии, и эта задача выпала на долю его сына. Александр получил в наследство не только план и образцовую армию, созданную Филиппом,³ но и концепции большой стратегии. Другим наследством, имевшим важное значение, были плацдармы в Дарданеллах, захваченные Филиппом в 336 г. до н. э.

Если проанализировать маршруты походов Александра (см. рис. 2), то мы увидим, что они представляют собой зигзагообразную линию с резкими поворотами. Изучение истории этих походов приводит к заключению, что причины такой изломанности маршрутов были скорее политические, чем стратегические, но политические в смысле большой стратегии.

Ранние военные действия Александра были прямыми, лишенными гибкости. Это объяснялось, по-видимому, тем, что, во-первых, в юном Александре, воспитанном в духе вознесения почестей и воспевания величественных побед, было больше черт гомеровского героя, чем в других великих полководцах прошлого,⁴ и, во-вторых, вероятно, тем, что он был настолько уве-

---

³ В молодости Филипп провел три года в Фивах в качестве заложника, когда слава Эпаминонда была в зените, и опыт, приобретенный Филиппом в течение этого времени, может быть легче всего прослежен в последующей тактике македонской армии.

⁴ В самом начале вторжения в Азию Александр романтически воспроизвел гомеровское предание о походе против Трои.

рен в превосходстве своей армии и в собственных качествах полководца, что считал излишним предварительно нарушать стратегическое равновесие своих противников. Он оставил потомству свой опыт, приобретенный в области большой стратегии и тактики.

Двинувшись весной 334 г. до н. э. с восточного побережья Дарданелл, он сначала направился на юг и разгромил войска прикрытия персов на р. Граник. В этом бою персы были приведены в замешательство силой и стремительностью вооруженной пиками кавалерии Александра, однако у них хватило сообразительности решить, что если они смогут сосредоточить свои силы и убить беспримерно храброго Александра, то его вторжение будет парализовано в самом начале. Им чуть было не удалось достичь этой цели.

Затем Александр двинулся на юг, к городу Сарды, являвшемуся политическим и экономическим ключом к Лидии, а оттуда – на запад, к Эфесу, восстановив в этих греческих городах прежнюю демократическую форму правления и права, с тем чтобы наиболее экономичным образом обеспечить безопасность своего тыла.

Теперь он возвратился к побережью Эгейского моря и двинулся сначала в южном, а затем в восточном направлении через Карию, Ликию и Памфилию. Этим маневром Александр преследовал цель подорвать персидское господство на Эгейском море, лишив персидский флот свободы маневра путем захвата его баз. Захватив морские порты, Александр лишил флот противника основного источника получения живой силы.

К востоку от Памфилии на побережье Малой Азии фактически не было портов. Поэтому отсюда Александр снова повернул на север, к Фригии, и на восток, к Анкире (современная Анкара), укрепив свою власть и обезопасив тыл в центральных районах Малой Азии. Затем в 333 г. до н. э. он повернул на юг и вышел через Киликийские ворота непосредственно к Сирии, где Дарий III сосредоточивал силы для оказания сопротивления. Здесь из-за неудовлетворительной работы разведки и вследствие ошибочного предположения, что персы будут ожидать его на равнине, Александр в стратегическом отношении оказался в невыгодном положении благодаря более искусному маневру противника. В то время как Александр двигался прямо, Дарий, поднявшись к верховьям Евфрата, вышел через Аmaniцийские ворота в тыл Александру. Александр, который всегда придавал большое значение базам, оказался отрезанным от них. Однако, отойдя назад, он вышел из затруднительного положения в сражении при Иссе благодаря более совершенной тактике и более совершенному оружию. Ни один великий полководец не использовал с таким успехом внезапность не прямых действий, как Александр в этом бою.

После этого он снова пошел окольным путем, продвигаясь вдоль морского побережья Сирии, вместо того чтобы наступать на сердце персидской державы – Вавилон. Требования большой стратегии явно диктовали ему необходимость следовать этому курсу. Хотя Александр лишил персов господства на море, он еще не уничтожил Персидской империи. Поскольку эта империя продолжала существовать, она могла создавать угрозу его тылу, а также Греции и особенно Афинам. Его наступление в Финикии привело к полному поражению персидского флота; остались главным образом финикийские корабли, большая часть которых перешла на его сторону, а остальные суда, находившиеся в Тире, были захвачены после его падения. И даже после этого Александр продолжал двигаться в южном направлении – на Египет. Эти действия труднообъяснимы с точки зрения морской стратегии. Можно лишь предполагать, что они были предприняты из предосторожности. Однако этот шаг Александра следует считать обоснованным, если иметь в виду его политическую цель – захватить Персидскую империю и

В те времена, когда его армия ожидала переправы через Дарданеллы, сам Александр с отборным отрядом высадился под Илионом, в том самом месте, где, по преданию, во время Троянской войны греческие корабли причалили к берегу, а затем направился к месту расположения мифического города, совершил жертвоприношения в храме Афины, инсценировал бой и произнес речь над предполагаемым погребальным курганом Ахиллеса, считавшегося его предком. После выполнения всех этих символических обрядов он вернулся в свою армию, для того чтобы начать войну.

вместе с тем укрепить свою собственную. Именно для решения этой задачи он предполагал использовать Египет, имевший огромное экономическое значение.

Наконец, в 331 г. до н. э. Александр снова двинулся на север, в направлении Алеппо, затем повернул на восток, переправился через Евфрат и вышел к верховьям Тигра. Здесь, около Ниневии (современный Мосул), Дарий сосредоточил большую новую армию. Александр рвался в бой, но все же не пошел прямо на врага. Переправившись через Тигр в верхнем течении, он двинулся по восточному берегу, вынудив Дария сменить позицию. И снова в сражении при Гавгамелах (обычно называемым сражением при Арбелах, ближайшем, хотя и находившемся на расстоянии 100 км городе) Александр и его армия показали абсолютное превосходство над армией противника, которая оказалась наименее серьезным из всех препятствий на пути Александра к достижению цели большой стратегии. После этого сражения последовал захват Вавилона.

Последующие действия Александра, пока он не вышел к границам Индии, в военном отношении являлись «очищением Персидской империи от остатков противника», в политическом же отношении – укреплением его собственной империи. В своем обходном движении Александр прошел Юкское ущелье и Персидские ворота, встретившись с индийским царем Пуrom на р. Гидасп, показал образцы в применении не прямых действий, свидетельствовавшие о зрелости его стратегического искусства. Например, укрыв воинов в кукурузе и широко развернув армию вдоль западного берега, Александр ввел противника в заблуждение относительно своих намерений. Демонстративные шумные передвижения кавалерии Александра сначала вводили Пора в заблуждение, а затем ввиду их многократного повторения притупили его бдительность. Таким образом, приковав Пора к определенной позиции, Александр оставил основные силы перед фронтом Пора, а сам лично с отборными войсками, пройдя 30 км вверх по реке, переправился через нее. Путем такого неожиданного обхода Александр поколебал дух самого Пора и боеспособность его армии. В последовавшем сражении Александр незначительной частью сил своей армии сумел разгромить почти всю армию противника. Если бы этого предварительного ослабления противника не произошло, то не было бы ни теоретического, ни практического оправдания тому, что Александр подвергал изолированную группу своих войск опасности разгрома.

В длительных войнах преемников Александра, после его смерти приведших к распаду империи, имеются многочисленные примеры использования не прямых действий и их решающего значения. Военачальники Александра были способнее, чем маршалы Наполеона, и боевой опыт привел их к более глубокому пониманию значения экономии сил. Хотя многие проведенные ими сражения заслуживают внимания, однако данная книга содержит анализ только основных войн древней истории, а из войн диадохов лишь последняя война, в 301 г. до н. э., определенно может быть отнесена к их числу. Этот вывод вряд ли можно оспаривать, так как в книге «Древняя история» Кембриджского университета говорится: «В результате этой войны борьба между центральной властью и представителями династий закончилась и распад греко-македонского мира стал неизбежным».

К 302 г. до н. э. Антигон, претендовавший на место Александра, наконец подошел вплотную к достижению своей цели. Опираясь на свою фригийскую сатрапию, он постепенно завоевал всю Малую Азию, от Эгейского моря до Евфрата. Выступавший против него Селевк с трудом удерживал Вавилон; у Птолемея остался только Египет, Лисимах укрылся во Фракии, а Кассандр, наиболее грозный из соперничающих полководцев и являвшийся главной помехой на пути осуществления мечты Антигона, был изгнан из Греции сыном Антигона – Деметрием, который по многим своим качествам напоминал Александра. На предложение о безоговорочной капитуляции Кассандр ответил гениальным стратегическим ударом. План действий был разработан на совещании Кассандра с Лисимахом, которые хотели привлечь и Птолемея.

Последний в свою очередь установил контакт с Селевком через посыльных, пересекших Аравийскую пустыню на верблюдах.

Чтобы не допустить вторжения Деметрия в Фессалию, Кассандр оставил в своем распоряжении всего 31 тыс. солдат из имевшихся у него 57 тыс., передав остальных Лисимаху. Последний переправился через Дарданеллы и устремился на восток, в то время как Селевк двинулся на запад, в сторону Малой Азии, причем в его армии было 500 боевых слонов, полученных из Индии. Птолемей двинулся на север, в Сирию, но, получив ложное донесение о смерти Лисимаха, возвратился в Египет. Однако наступление противника сразу с двух сторон к центру империи вынудило Антигона срочно отозвать Деметрия из Фессалии, где Кассандру удалось остановить Деметрия, пока угроза стратегическому тылу Кассандра в Малой Азии не заставила его отойти, точно так же как позднее такой же маневр Сципиона вынудил Ганнибала возвратиться в Африку.

В сражении при Ипсе во Фригии стратегия Кассандра завершилась решительной тактической победой его союзника – Лисимаха, причем Антигон был убит, а Деметрий спасся бегством. Следует отметить, что в этом сражении боевые слоны оказались решающим оружием, а тактика победителей была основана на не прямых действиях. После того как кавалерия отступила, усиленно преследуемая Деметрием, слоны отрезали Деметрию путь для отхода назад. Затем, вместо того чтобы атаковать пехоту Антигона, Лисимах деморализовал ее угрозой атаки и обстрелом из луков, и она начала рассеиваться. Лишь после этого Селевк перешел в атаку, нанося удар как раз туда, где находился сам Антигон.

В начале войны обстановка складывалась в пользу Антигона. Однако редко фортуна когда-либо так резко менялась. Боеспособность армии Антигона была подорвана Кассандром путем применения не прямых действий. Такие действия Кассандра поколебали уверенность Антигона, подорвали моральное состояние его войск и гражданского населения и тем самым ослабили силу их сопротивления.

Глава III. Римские войны – Ганнибал, Сципион и Юлий Цезарь

Следующим конфликтом, оказавшим решающее влияние на европейскую историю, была борьба между Римом и Карфагеном. Основным периодом в этом конфликте были войны Ганнибала, или так называемая Вторая Пуническая война. Эта война распадается на несколько этапов, или кампаний, причем каждый этап имел решающее влияние на ход войны в целом.

Первый этап начался походом Ганнибала в 218 г. до н. э. из Испании через Альпы в Италию. Завершающим моментом этого этапа, по-видимому, является сокрушительная победа у Тразименского озера весной следующего года, в результате которой Рим, если бы Ганнибал принял решение ударить по нему, мог бы рассчитывать только на мощь крепостных стен и силу сопротивления гарнизона.

Первоначальный выбор Ганнибалом длинного и трудного сухопутного пути вместо короткого морского обычно объяснялся кажущимся «господством Рима на море». Однако нелогично распространять этот термин в современном понимании на эпоху, когда корабли были примитивны, а их способность перехватывать противника в море незначительна. Вообще же римское превосходство на море в те времена ставилось под сомнение в одном из сочинений Полибия, который, рассматривая непосредственно Тразименское сражение, указывает на беспокойство римского сената о том, как бы карфагеняне не захватили «господство на море». Даже в заключительный период войны, после того как римляне одержали ряд побед на море и лишили карфагенский флот всех его баз в Испании и закрепились в Африке, они оказались бессильными предотвратить высадку экспедиционной армии Магона в Генуэзской Ривьере или же помешать возвращению Ганнибала в Африку. Кажется более вероятным, что не прямое наступление Ганнибала по суше было предпринято с целью поднять кельтов Северной Италии против Рима.

Далее мы должны отметить, что и сам этот сухопутный марш не был прямым, благодаря чему были достигнуты значительные результаты. Римляне направили консула Публия Сципиона (отец Сципиона Африканского) в Марсель с задачей преградить путь Ганнибалу на р. Рона (см. рис. 6). Однако Ганнибал не только внезапно переправился через эту труднопреодолимую реку в верхнем ее течении, но и прошел еще дальше на север, выбрав более далекий и трудный путь через Изерскую долину, вместо того чтобы двигаться по более прямому, но зато легко блокируемому противником дорогам, проходящим вблизи Ривьеры. Полибий пишет, что, когда тремя днями позже Сципион Старший прибыл в район переправы, он «удивился, что противника нет, так как был убежден, что Ганнибал никогда не рискнет пойти этой (северной) дорогой в Италию». Быстро приняв решение и оставив часть армии на месте, он поспешно переправился морем обратно в Италию, как раз вовремя, чтобы встретить Ганнибала на равнинах Ломбардии. Однако Ганнибал воспользовался здесь преимуществом местности, удобной для действий его более сильной кавалерии. В результате он добился победы в сражениях на реках Тицина и Требия. Эти победы обеспечили Ганнибалу приток рекрутов и поступление провианта в «большом изобилии».

Став хозяином северной части Италии, Ганнибал остался здесь на зиму. Весной следующего года, предвидя дальнейшее наступление Ганнибала, новые консулы Рима повели свои армии в направлениях: один – к Римини, расположенному на побережье Адриатического моря, другой – к Аррецию, в Этрурии. Эти пункты контролировали восточную и западную дороги, по которым Ганнибал мог продвигаться к Риму. Ганнибал принял решение идти по этрурийскому маршруту, но, вместо того чтобы двигаться по одной из обычных дорог, сначала провел тщательную разведку, в результате которой «выяснил, что все дороги, ведущие в Этрурию, длинны и хорошо известны противнику, кроме одной, кратчайшей, которая проходила через

болота и позволяла внезапно напасть на Фламиния. Такие действия были в духе Ганнибала, и он выбрал этот путь. Однако, когда в войсках распространилась весть о том, что командующий собирается вести их через болота, солдаты забеспокоились...» (Полибий).

Обычный полководец всегда предпочитает известное неизвестному. Ганнибал был не обычным полководцем и поэтому, подобно другим великим полководцам, предпочитал действовать в самых опасных условиях, но только не вести бой с противником на им самим выбранной позиции.

В течение четырех дней и трех ночей армия Ганнибала «шла по дороге, покрытой водой», сильно страдая от усталости и бессонницы, теряя большое количество людей и еще больше лошадей. Но, выйдя из болот, Ганнибал обнаружил, что армия римлян все еще пассивно стоит лагерем под Аррецием. Ганнибал не пытался прямо нанести удар. Вместо этого, пишет Полибий, «он рассчитывал, что если обойдет лагерь и выйдет римлянам в тыл, то Фламиний, частично из боязни недовольства населения, частично из простого раздражения, не сможет пассивно наблюдать за тем, как Ганнибал будет опустошать страну, немедленно бросится вслед за ним и обеспечит ему благоприятные условия для атаки».

Этот маневр в тыл противника был рассчитан на психологическое воздействие, основанное на тщательном изучении характера Фламиния. За этим последовало практическое осуществление плана. Двигаясь по дороге на Рим, Ганнибал организовал величайшую в истории засаду, увенчавшуюся успехом. В туманное утро следующего дня армия римлян, стремительно преследуя Ганнибала вдоль окаймленного высотами берега Тразименского озера, неожиданно подверглась нападению с фронта и с тыла и была уничтожена. Те, кто изучает историю и помнит эту победу, обычно не замечают психологического момента, сделавшего ее возможной. Однако Полибий в своих комментариях по поводу этого сражения пришел к следующему выводу: «Как корабль без рулевого со всем своим экипажем становится добычей противника, так и с армией на войне: если вы перехитрите ее командующего, то зачастую вся армия может оказаться в ваших руках».

Вопрос о том, почему после победы у Тразименского озера Ганнибал не пошел на Рим, является тайной истории, и всевозможные объяснения являются лишь предположениями. Наиболее очевидным, но не исчерпывающим объяснением служит отсутствие тяжелой осадной техники. Несомненно лишь то, что Ганнибал пытался все последующие годы подорвать влияние Рима на его итальянских союзников и сплотить их в антиримскую коалицию. Победы являлись лишь моральным стимулом для достижения этой цели. Тактическое преимущество всегда оказывалось обеспеченным, если Ганнибалу удавалось вести бой в условиях, благоприятных для его превосходной кавалерии.

Второй этап войны римляне начали непрямymi действиями, которые по своей форме больше отвечали характеру греков, чем римлян. Эта форма действий и подражание ей, зачастую плохое, вошли в историю под общим названием «стратегия Фабия». Стратегия Фабия не только заключалась в уклонении от боя с целью выиграть время, но и ставила своей задачей подорвать моральное состояние противника и еще больше – моральное состояние его потенциальных союзников. Следовательно, стратегия Фабия – это главным образом вопросы военной политики или большой стратегии. Фабий слишком хорошо понимал военное превосходство Ганнибала, чтобы отважиться на завоевание победы в бою. Стремясь уклониться от боя, он поставил себе целью мелкими стычками измотать нервы захватчика и одновременно не допустить пополнения армии Ганнибала рекрутами из итальянских городов и ее базы – Карфагена. Основное условие для успеха этой стратегии, с помощью которой осуществлялась большая стратегия, заключалось в том, что римская армия должна была постоянно держаться на высотах, с тем чтобы свести к нулю решающее превосходство Ганнибала в коннице. Таким образом, этот этап превратился в дуэль между формами непрямых действий Ганнибала и Фабия.

Постоянно нависая над противником, перехватывая отставших солдат и отряды фуражиров, лишая армию противника возможности пользоваться какой-либо постоянной базой снабжения, Фабий оставался неуловимой тенью на горизонте, заставляя тускнеть блеск триумфального шествия Ганнибала. Таким образом, Фабий, предохранив себя от поражения, свел на нет влияние предыдущих побед Ганнибала на итальянских союзников Рима и удержал их от перехода на сторону противника. Кроме того, эта война партизанского типа подняла моральный дух римских войск и в то же время ослабила моральный дух карфагенян, которые, оказавшись так далеко от родины, еще более остро осознавали необходимость быстрого окончания войны.

Однако война на истощение является обоюдоострым оружием, даже если им искусно пользоваться, так как она тяжело отражается и на тех, кто к ней прибегает. Такая война особенно изнурительна для народных масс, нетерпеливо ожидающих быстрого ее окончания и всегда склонных предполагать, что только боем можно добиться победы над противником. Чем больше римляне приходили в себя от потрясения в результате победы Ганнибала, тем сильнее они стали сомневаться в мудрости действий Фабия, который дал им возможность опомниться. Их затаенные сомнения разжигались честолюбивыми горячими головами в армии, которые критиковали Фабия за его «трусость и безынициативность». Это привело к беспрецедентному решению назначить в качестве второго диктатора Минуция, являвшегося, с одной стороны, первым помощником Фабия, а с другой – его главным критиком. Вскоре Ганнибал использовал возможность завлечь Минуция в ловушку, из которой тот с трудом выбрался благодаря вмешательству Фабия.

После этого критика действий Фабия на некоторое время затихла. Однако, когда шестимесячный срок пребывания Фабия в должности истек, ни он, ни его политика не оказались достаточно популярными, чтобы обеспечить продление его полномочий. На консульских выборах одним из двух консулов был избран взбалмошный и невежественный Теренций Варрон, который способствовал назначению Минуция. Кроме того, сенат принял резолюцию с требованием, чтобы консулы дали Ганнибалу бой. Такое решение оправдывалось разорением, которому подверглась Италия, причем сенат подкрепил его практическими мероприятиями по формированию для кампании 216 г. до н. э. самой большой армии в составе восьми легионов, какой никогда еще Рим не имел. Однако римлянам пришлось дорого заплатить за избрание полководца, наступательный дух которого не был уравновешен здравым смыслом.

Второй консул, Эмилий Павел, хотел выждать и маневром добиться более благоприятных условий, однако такая осторожность не удовлетворяла Варрона. Замысел Варрона и его публичное обещание сводились к нападению на противника там, где он будет обнаружен. В результате Варрон использовал первую благоприятную возможность, чтобы дать Ганнибалу бой на равнине вблизи Канн. Павел доказывал, что нужно попытаться завлечь Ганнибала на местность, более удобную для действий пехоты, но Варрон не посчитался с этим и использовал свой день командования войсками для того, чтобы войти в тесное соприкосновение с противником. На следующий день Павел задержал войска в укрепленном лагере, рассчитывая на то, что недостаток запасов скоро заставит Ганнибала отступить. Варрон же, указывает Полибий, «больше чем когда-либо загорелся стремлением дать бой». И это чувство разделялось большинством воинов, которых раздражала дальнейшая отсрочка. «Ибо для людей нет ничего более невыносимого, чем неопределенность; когда решение принято, людям ничего иного не остается, как терпеливо переносить все те тяготы, которые, к несчастью, выпадут на их долю».

На следующее утро Варрон вывел римскую армию из лагеря, чтобы дать бой, причем именно такой бой, какого хотел Ганнибал. По традиции пехота обеих сторон была расположена в центре, а кавалерия – на флангах, но Ганнибал построил свои войска по-новому. Он выдвинул вперед менее стойких галлов и испанцев, которые составили центр боевого порядка пехоты, а африканскую пехоту отвел назад и расположил на флангах. Таким образом, галлы и испанцы явились естественным магнитом для римской пехоты, которая не преминула их

атаковать. После атаки римлян галлы и испанцы, в соответствии с замыслом, отошли назад. В результате первоначальный боевой порядок пехоты Ганнибала – полумесяц, обращенный к противнику выпуклой стороной, – изменился, стал превращаться в вогнутый. Римские легионеры, окрыленные очевидным успехом, постепенно так тесно сгрудились в образовавшемся проходе, что с трудом могли использовать оружие. Им казалось, что они прорвали фронт карфагенян, тогда как на самом деле они все больше охватывались противником. В благоприятный момент африканские ветераны Ганнибала устремились с обеих сторон навстречу друг другу, сжимая скучившихся римлян с флангов.

Этот маневр был повторением, но только с более точно рассчитанным замыслом, маневра во время морского сражения у о-ва Саламин. Он по своей форме напоминает японскую борьбу «джиу-джитсу», основанную на применении неожиданных приемов.

Тем временем находившаяся на левом фланге тяжелая кавалерия Ганнибала прорвалась через боевой порядок вражеской кавалерии и, обойдя римлян с тыла, рассеяла скованную нумидийской конницей кавалерию противника, находившуюся на правом фланге. Предоставив преследование римской кавалерии нумидийцам, тяжелая кавалерия карфагенян, прорвавшись в тыл, нанесла окончательный удар римской пехоте, которая уже была окружена с трех сторон; большая скученность римлян не позволяла им оказать эффективное сопротивление. С этого момента сражение превратилось в резню. Согласно Полибию, в армии римлян из 76 тыс. человек в сражении пало 70 тыс. Среди них был Павел, в то время как Варрону, по иронии судьбы, удалось спастись от им же вызванной катастрофы.

Сокрушительный разгром римлян при Каннах вызвал временный распад итальянской конфедерации, но не смог сломить самого Рима, где Фабий спланировал народ для оказания длительного сопротивления. Риму удалось устоять главным образом благодаря твердой решимости и настойчивости, нашедшим свое выражение в применении стратегии уклонения от боя любой ценой. Этому способствовали также отсутствие у Ганнибала осадной техники и подкреплений, а также неустойчивость его положения в качестве интервента в примитивно организованной стране. (Когда позднее Сципион вторгся в Африку, он заявил, что более развитая экономика Карфагена облегчила ему возможность реализовать свои планы.)

Второй этап войны окончился в 207 г. до н. э. применением еще одной формы стратегии непрямых действий, когда консул Нерон тайно снял свои войска с позиции перед фронтом Ганнибала и после форсированного марша сосредоточил их против брата Ганнибала, который только что прибыл с армией в Северную Италию. Уничтожив эту армию в сражении на р. Метавр, а вместе с ней и надежду Ганнибала на получение подкреплений, с помощью которых он рассчитывал добиться победы, Нерон вернулся в свой лагерь раньше, чем Ганнибал понял, что лагерь покинут войсками.

После этого война в Италии зашла в тупик. Наступил третий этап войны. В течение пяти лет Ганнибал упорно оборонялся в Южной Италии, и ряд римских полководцев отступил для того, чтобы залечить раны, полученные в результате слишком прямых ударов по логову льва.

В 210 г. до н. э. в Испанию был направлен Публий Сципион Младший. Перед ним была поставлена трудная задача, учитывая значительно превосходящие силы карфагенян, – спасти от поражения армии, которыми командовали его отец и дядя, отомстить за их смерть и удержать, если удастся, небольшой плацдарм Римской империи, сохранившийся в северо-восточной части Испании. Используя высокие темпы продвижения, превосходство в тактике и искусную дипломатию, он перешел от оборонительных действий к наступательным. По существу это явилось косвенным ударом и против Карфагена, и против Ганнибала, ибо Испания была для Ганнибала важной стратегической базой, где он обучал свои войска и откуда получал пополнения. Искусно сочетая внезапность с точным расчетом времени, Сципион, перед тем как разгромить карфагенские войска и переманить на свою сторону их союзников, лишил их главной базы в Испании – Картахены (Новый Карфаген).

По возвращении в Италию в 205 г. до н. э. Сципион был избран консулом и теперь был готов приступить к осуществлению давно задуманного им второго и решительного этапа не прямых действий – наступлению на стратегический тыл Ганнибала – Карфаген. Фабий, уже старый человек с установившимися взглядами, высказался в защиту общепринятых приемов, настаивая на том, чтобы Сципион нанес сначала удар по Ганнибалу в Италии. «Почему ты не хочешь нанести удар прямо по Ганнибалу, а намерен идти этим длинным окольным путем? Почему ты думаешь, что когда ты переправишься в Африку, то Ганнибал обязательно последует за тобой?» – спрашивал Фабий Сципиона.

Сципион получил от сената разрешение переправиться в Африку, но ему было отказано произвести дополнительный набор войск. В результате весной 204 г. до н. э. он отправился в экспедицию, имея всего лишь 7000 добровольцев и два впавших в немилость легиона, которые были направлены для несения гарнизонной службы в Сицилии в наказание за поражение при Каннах. Высадившись в Африке, Сципион встретил противодействие только со стороны кавалерийского отряда, который Карфаген имел в своем распоряжении. Искусно проведенным отходом он завлек этот отряд в западню и уничтожил его. Этим Сципион не только выиграл время для упрочения своего положения в Африке, но и произвел сильное впечатление, которое побудило римские власти оказать ему более активную поддержку и ослабило влияние Карфагена на его африканских союзников, за исключением наиболее мощного из них – Сифакса.

Затем Сципион попытался захватить порт Утику, чтобы использовать его в качестве своей базы. Однако это ему не удалось, так как он пытался овладеть им без длительной осады, по примеру ранее захваченной им Картагены. Через шесть недель он был вынужден снять осаду Утики, так как Сифакс выставил против него армию численностью 60 тыс. человек, составляющих только часть вновь формируемых Гасдрубалом Гисгоном карфагенских войск. При подходе объединенных армий противника, значительно превосходивших его силы в количественном отношении, Сципион отошел на небольшой полуостров, где создал укрепленную оборонительную линию по типу укреплений Веллингтона⁵

---

⁵ Вероятно, все-таки Веллингтон создал свою оборонительную линию по типу укреплений Сципиона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.